

НОВОРОЖДЕННЫЙ

КОМЕДИЯ.

НОВОРОЖДЕННЫЙ ¹⁾.

Мнѣ завѣщаль отецъ,
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ
изъятія:

Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
Собагѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Грибободовъ.

Небольшая комната съ однимъ окномъ. Не модная, но довольно опрятная мебель. На окнѣ стоятъ ширмочки съ разноцвѣтными стеклами. По стѣнамъ литографированные портреты разныхъ знаменитыхъ или, лучше сказать, знатныхъ особъ. Столъ, покрытый краснымъ набивнымъ ковромъ. На столѣ небольшое зеркальце и полный бритвенный приборъ. Передъ столомъ въ бурхарскомъ халатѣ сидитъ Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ. Онъ только что обрлся и стрижеть у себя ногти. Подлѣ него стоитъ женщина лѣтъ сорока, въ ситцевомъ капотѣ, измятомъ кисейномъ чепцѣ и небрежно накинутаго кунанвинскомъ платкѣ).

Ползковъ (съ досадою). Эхъ, полноте, Марья Григорьевна! Не ваше дѣло! Вы просто бабушка, а это можетъ только рѣшить акушеръ или докторъ.

Бабушка. Воля ваша, Алексѣй Алексѣевичъ, а я этого грѣха на душу не возьму. Мое дѣло вамъ доложить: извольте послать за священникомъ! Супруга ваша—слава Богу, а младенецъ—очень слабъ.

Ползковъ. Окрестить-то недолго, матушка Марья Григорьевна.

---

¹⁾ М. Н. Загоскинъ неоднократно давалъ своимъ рассказамъ разговорную форму комедии. Для примѣра печатается пьеса, подъ названіемъ „Новорожденный“, которая въ первоначальномъ видѣ вошла во 2-й выпускъ „Москвы и Москвичей“.

Бабушка. Да и умереть-то недолго, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ! Эй, сударь, поторопитесь!

Ползковъ. Хорошо вамъ говорить: поторопитесь!... Вамъ что! а мнѣ это не бездѣлица... Вѣдь двухъ разовъ не крестятъ!... И если я не попрошу теперь въ крестные отцы...

Бабушка. Кого теперь просить! Прикажете кому-нибудь изъ домашнихъ.

Ползковъ. Что вы это, Марья Григорьевна! Захочу ли я покумиться съ моимъ лакеемъ!

Бабушка. Такъ отца дьякона попросите.

Ползковъ. Ну, вотъ еще!

Бабушка. Да помилуйте: гдѣ ужъ тутъ разбирать чины! Лишь бы только успѣть окрестить.

Ползковъ. Да вы все не то говорите, Марья Григорьевна! Не можетъ быть, чтобъ ребенокъ былъ такъ слабъ...

Бабушка (*глядя въ окно*). Вотъ, слава Богу, и докторъ прѣхалъ! Посмотрите, Алексѣй Алексѣвичъ: онъ также скажетъ, что откладывать нечего. (*Уходитъ*).

Ползковъ. Какое несчастіе!... И надобно-жъ было этому случиться!.. Варвара Юрьевна обѣщалась быть крестной матерью, если у меня родится сынъ. Она близкая родственница графу, такъ ужъ вѣрно бы и его превосходительство Андрей Никифоровичъ не отказался пойти въ крестные отцы. Я покумился бы съ моимъ начальникомъ,—а это не шутка! Это весьма важный шагъ по службѣ!... Ну, если ужъ нельзя, такъ надобно, по крайней мѣрѣ, хоть имя дать новорожденному такое, чтобъ можно было этимъ польстить кому-нибудь, доказать мою преданность... У Варвары Юрьевны старшаго сына зовутъ Иваномъ... Да кто-жъ еще Иванъ!... Нѣтъ! Можно придумать что-нибудь получше... Начальника моего зовутъ Андреемъ... Прекрасно!... Его сіятельство графа Куродавлева также Андреемъ... Очень хорошо!... Э! Да какъ это мнѣ въ голову не пришло? Вѣдь и князь Знатовъ также Андрей!... Нѣтъ-ли еще кого-нибудь?... Постой!... Ну, такъ и есть!... У, славно! Чего же лучше, назову его Андреемъ... рѣшительно Андреемъ. (*Входитъ бабушка*). Ну, что?

Бабушка. Вотъ я вамъ говорила! Докторъ сейчасъ послалъ за священникомъ.

Ползковъ. Да это все вы, Марья Григорьевна!... А я, право, думаю...

Бабушка. Ну, ужь воля ваша, думайте что хотите, а мы и безъ васъ окрестимъ. Иванъ Ивановичъ будетъ воспріемникомъ.

Ползковъ. Докторъ?

Бабушка. Ну, да, сударь! А я крестною матерью. Какое прикажите дать имя новорожденному? Супруга ваша желаетъ назвать его въ честь своего батюшки Александромъ.

Ползковъ. Нѣтъ, нѣтъ!... Я хочу, чтобъ онъ назывался Андреемъ! Слышите-ли, Андреемъ!

Бабушка. Софья Александровна велѣла васъ просить...

Полковъ. И, полноте! Она не знаетъ сама, чего просить... Это дѣло отцовское... Извольте окрестить моего сына во имя Андрея Первозваннаго... Слышите-ли! Я хочу этого, я требую... Ну, однимъ словомъ, я обѣщался, Марья Григорьевна!

Бабушка. О, если обѣщались, такъ это другое дѣло. Вотъ и я также по обѣщанію назвала старшую мою дочь Матреною, хотя у меня въ родствѣ нѣтъ ни одной Матрены.

Ползковъ. Ну, вотъ видите!... Какъ-же послѣ этого.

Бабушка. Кто и говоритъ, Алексѣй Алексѣевичъ! Ужь коли обѣщались... Дѣлать нечего... Я такъ и доложу Софѣ Александровнѣ. (*Уходитъ*).

Ползковъ. Ну, теперь скорѣй къ Андрею Никифоровичу: онъ мой начальникъ, да и живетъ поближе другихъ. Эй, малый! (*Входитъ слуга*). Готовы-ли дрожки?

Слуга. Готовы, сударь.

Ползковъ. Фракъ!... (*Одѣвается*). Шинель и шляпу!... Если неравно завернетъ ко мнѣ дядюшка Максимъ Петровичъ — скажи ему, что я побѣхаль по дѣламъ службы. (*Уходитъ*).

(Просто, но со вкусомъ убранный кабинетъ дѣлового чловѣка. Большой шкафъ съ книгами. Въ одномъ углу конторка для письма. Посреди комнаты длинный столъ, заваленный бумагами. Два или три тома Свода Законовъ, съ загнутыми листами и закладками, лежатъ на томъ-же столѣ. Андрей Никифоровичъ Гореславскій, въ шелковомъ ваточномъ сюртукѣ и красныхъ сапожкахъ, сидитъ передъ конторкою. Подлѣ него стоитъ секретеръ).

тарь съ бумагами. Андрей Никифоровичъ Гореславскій человекъ лѣтъ пятидесяти, небольшого росту, худощавый, съ лицомъ весьма благороднымъ, приятнымъ и добрымъ, даже слишкомъ добрымъ. Хорошій физиономистъ тотчасъ-бы замѣтилъ въ этомъ простодушномъ лицѣ какое-то отсутствіе—не ума—нѣтъ! Андрей Никифоровичъ человекъ вовсе не глупый, но этой твердости, этой собственной воли, безъ которой всякій начальникъ, рано или поздно, а непременно попадетъ подъ команду своему секретарю. Андрей Никифоровичъ очень любимъ своими подчиненными; чиновники усердные, смиренные и честные любятъ его за то, что онъ ласково съ ними обходится, а наглцы, плуты и лѣнтяи—за то, что имъ все сходитъ съ рукъ; однимъ словомъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: «что за добрый человѣкъ! Во всю свою службу не сдѣлалъ никого несчастнымъ». Андрей Никифоровичъ, какъ человекъ честный и благородный, не очень уважаетъ льстецовъ. Ему даже отвратительна ихъ грубая лесть, низкія угожденія, лакейская преданность, а между тѣмъ эти господа дѣлаютъ изъ него все, что имъ вздумается, и хоть онъ чувствуетъ самъ, что это не доброта, а слабость характера, но никакъ не можетъ устоять противъ ихъ нападеній, потому что ему какъ-то совѣстно отказать въ чемъ-нибудь человеку, который валяется у него въ ногахъ. Секретарь его... но объ немъ распространяться нечего. Онъ человекъ хитрый, ловкій, досужій и, какъ все умные секретари, знаетъ своего начальника, какъ свои пять пальцевъ).

Гореславскій (*отдавая секретарю бумаги*). Да я въ этомъ списокѣ не вижу столоначальника Чистякова, а, кажется, я своей рукой отмѣтилъ.

Секретарь. Виновать, ваше превосходительство! Вѣрно какъ-нибудь въ перепискѣ ошиблись; а я поторопился, не досмотрѣлъ.

Гореславскій. Вотъ то-то, Павелъ Васильевичъ, вы все торопитесь! Ну, еслибъ представленіе пошло безъ него?...

Секретарь. Конечно, ваше превосходительство,—когда ужъ вамъ такъ угодно... А если осмѣлюсь доложить, такъ Чистяковъ могъ-бы и пообождать.

Гореславскій. Да развѣ онъ не заслуживаетъ?... Онъ хорошо занимается дѣломъ, малый честный...

Секретарь. Да, точно такъ, ваше превосходительство! Отличный чиновникъ.

Гореславскій. Такъ почему-жъ его не представить?

Секретарь. Конечно, ваше превосходительство, почему и не представить, а впрочемъ, у насъ въ канцеляріи есть чиновникъ постарѣе его... Вотъ, напримѣръ, Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ...

Гореславскій. Да онъ почти каждый годъ получаетъ награды.

Секретарь. Человѣкъ-то прекрасный, ваше превосходительство! Съ большими способностями...

Гореславскій. А развѣ Чистяковъ...

Секретарь. Помилуйте, гдѣ ему равняться съ Ползковымъ! У того дѣятельность необычайная и такія соображенія, что истинно надобно удивляться... А какъ преданъ вашему превосходительству...

Гореславскій. Преданъ! Да кому онъ не преданъ? Эхъ, Павелъ Васильевичъ, не люблю я этихъ низкопоклонныхъ людей!

Секретарь. Да ужь это у него такъ, ваше превосходительство, манера такая... А низости ни на-волось нѣтъ. Онъ человѣкъ прѣблагородный!

Гореславскій. Все это очень хорошо. Но почему же мнѣ не представить Чистякова? Если я не ошибаюсь, такъ многіе изъ его товарищей, моложе его, носятъ Станислава на шеѣ, а у него еще нѣтъ и Владиміра въ петлицѣ.

Секретарь. Да вѣдь онъ какой-то философъ. Онъ все и не думаетъ объ этомъ.

Гореславскій. Неужели?

Секретарь. Точно такъ, ваше превосходительство. Да еслибъ это его занимало, такъ онъ сталь-бы просить васъ или самъ, или черезъ другихъ...

Гореславскій. Да, это правда! За него никто никогда не просилъ.

Секретарь. А самъ онъ объ этомъ и не заикнется. Вотъ если-бы Ползковъ удостоился быть представленнымъ отъ вашего превосходительства къ Аннѣ на шею, такъ онъ съ ума бы сошелъ отъ радости.

Гореславскій. Эхъ, Павелъ Васильевичъ! Да за что?... Конечно, меня ужь объ этомъ просили Варвара Юрьевна Бѣлоухова и княгиня Авдотья Кирилловна Перекопская, да я не знаю, какъ это сдѣлать: я и такъ представляю десять человѣкъ... Много, Павелъ Васильевичъ, право много.

Секретарь. Да вотъ, ваше превосходительство: въ списокъ одного не достааетъ... Чистякова можно въ будущемъ году, а теперь еслибъ вы сдѣлали эту милость Ползкову...

Гореславскій. Конечно, дѣло возможное... Но за что-же бѣдный Чистяковъ... И вы думаете, онъ не огорчится?

Секретарь. Да отчего-же ему огорчиться? Не въ нынѣшнемъ, такъ въ будущемъ году... Вы извольте ему сказать слова два ласковыхъ, такъ на этотъ разъ онъ и этимъ будетъ доволенъ.

Гореславскій. Но я такъ часто награждаю Ползкова, что это должно, наконецъ, показаться какимъ-то пристрастіемъ.

Секретарь. Помилуйте, ваше превосходительство! Да кто можетъ помѣшать начальнику отдавать справедливость подчиненному, если онъ этого заслуживаетъ?...

Слуга (*входя въ кабинетъ*). Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ.

Гореславскій. Зови сюда!

Слуга (*обращаясь къ дверямъ*). Пожалуйте.

(*Ползковъ входитъ и низко кланяется сначала Гореславскому, а потомъ секретарю*).

Гореславскій. Здравствуйте, Алексѣй Алексѣвичъ! Что скажете?

Ползковъ (*кланяясь*). Ваше превосходительство!... Богъ даровалъ мнѣ сына.

Гореславскій. Право?... Поздравляю, поздравляю!

Ползковъ (*нагнувшись нѣсколько впередъ и глядя съ умиленіемъ на Гореславскаго*). Служа подъ благодѣтельнымъ начальствомъ вашего превосходительства, взысканный и, такъ сказать, осыпанный милостями вашими, я осмѣлился въ знакъ моей душевной и всенижайшей благодарности назвать новорожденного моего сына Андреемъ, въ честь вашего превосходительства.

Гореславскій. Очень вамъ благодаренъ.

Ползковъ. Мнѣ-бы должно было сначала испросить на это соизволеніе вашего превосходительства, но въ ту минуту, когда я сдѣлался отцомъ, я до того обезумѣлъ отъ радости, что забылъ мой долгъ и осмѣлился безъ вашего согласія... Конечно, дерзость эта велика...

Гореславскій. И, полноте, Алексѣй Алексѣвичъ! Какая тутъ дерзость!

Ползковъ. Нѣтъ, ваше превосходительство! Вы это по добротѣ вашей изволите говорить, а я, конечно, поступилъ опрометчиво. Увлеченный чувствами моей неизъяснимой благодарности, я не подумалъ, что, можетъ быть, вамъ не угодно будетъ...

Гореславскій (*съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ*). Да почему-жъ не угодно?... Что это вы все говорите, Алексѣй Алексѣвичъ! Скажите-ка лучше, какъ здоровье вашей супруги?

Ползковъ. Слава Богу, ваше превосходительство, слава Богу! Слаба немножко... Однакожъ и ей тотчасъ пришло въ голову... говорить мнѣ: «Алексѣй Алексѣвичъ, непременно должно назвать нашего сына Андреемъ, въ честь его превосходительства Андрея Никифоровича, вѣдь онъ нашъ благодѣтель!...» И повѣрите-ли, ваше превосходительство, съ какимъ она это говорила жаромъ. «Да если,—говорить,—ты не назовешь его Андреемъ, такъ я и видѣть его не хочу». (*Секретарь дѣлаетъ знаки Ползкову и указываетъ головою на дверь*). Но я не смѣю долѣе мѣшать занятіямъ вашего превосходительства; я поспѣшу обрадовать жену мою и сказать ей, какъ милостиво вы изволили принять...

Гореславскій. Хорошо, хорошо! Прощайте, Алексѣй Алексѣвичъ! (*Ползковъ низко кланяется и уходитъ*). Слава Богу! Ушелъ!... Ну, того и глядѣлъ, что онъ повалится мнѣ въ ноги!

Секретарь. Вотъ, ваше превосходительство, вы вѣрно изволите думать, что это лесть; а вѣдь все, что онъ говорилъ—истинная правда.

Гореславскій. Да зачѣмъ это говорить!

Секретарь. Чтожъ дѣлать, ваше превосходительство. Вѣдь это говорить не языкъ, а сердце... Вы, можетъ быть, не изволили замѣтить—у него слезы были на глазахъ.

Гореславскій. Нѣтъ, не замѣтилъ! Мнѣ совѣстно было на него смотрѣть.

Секретарь (*помолчавъ нѣсколько времени*). Какъ-же, ваше превосходительство,—прикажете его внести въ списокъ?

Гореславскій. Эхъ, Павелъ Васильевичъ! Пристали вы ко мнѣ... Да вѣдь это будетъ несправедливо.

Секретарь. На милость образца нѣтъ, ваше превосходительство. О немъ-же васъ всѣ просятъ.

Гореславскій. Да, да! Охъ, эти мнѣ протекціи... И Варвара Юрьевна и княгиня Авдотья Кирилловна.

Секретарь. Оно-же и кстати пришло: у него родился сынъ, ужь такъ-бы радость къ радости... Да вѣдь вашему превосходительству надобно-же что-нибудь ему на зубокъ положить...

Гореславскій (*развеселясь*). Да, конечно! Это будетъ лучше червонца!... Ну, такъ и быть!... Но только на будущей годъ...

Секретарь. Не извольте беспокоиться! Я самъ напомню вашему превосходительству о Чистяковѣ.

Гореславскій. Ну, то-то же!... Смотрите!... Подайте мнѣ бумагу. Я подпишу и отмѣчу къ чему представляю Полкова, а вы ужь послѣ внесите его въ списокъ. (*Беретъ и подписываетъ бумагу*).

(Роскошный кабинетъ большого барина. По стѣнамъ картины въ великолѣпныхъ рамахъ. Въ одномъ углу мраморная статуя Венеры Медицейской, въ другомъ — умпрающій гладиаторъ. — Все некрасивой формы, но въ высочайшей степени комфортабельная кабинетная мебель, обитая рытымъ пунцовымъ бархатомъ. Мраморный каминъ съ огромнымъ зеркаломъ, передъ которымъ стоятъ бронзовые великолѣпные часы рококо. Посреди круглаго стекляннаго балкона или фонаря, замѣняющаго одно изъ оконъ кабинета, на гранитномъ пьедесталѣ группа похищенія сабинокъ, прозрачнаго итальянскаго алебаstra. Въ одномъ простѣнкѣ туалетный столикъ «помпадуръ», съ серебрянымъ, вызолоченнымъ лавабо и со всѣми своими прихотливыми затѣями; въ другомъ довольно большой столъ, на немъ въ ящикѣ за стекломъ коллекція золотыхъ табакерокъ, круглыхъ, овальныхъ, четырехугольныхъ, высокихъ, плоскихъ, сундучками, брусочками, лодочками, съ эмалью, рѣзбою, антиками и портретами. Полъ устланъ пестрыми, пушистыми коврами. Посреди кабинета длинный столъ, покрытый кишсегами, живописными путешествіями и портфелями съ рисунками; подлѣ самаго стола, на тумбѣ изъ полисандра, въ мѣдной клѣткѣ сидитъ сѣрый попугай. Въ кабинетѣ трое дверей; однѣ, противъ оконъ, ведутъ въ приѣмную комнату, другія, по концамъ кабинета, соединяютъ его съ огромной бібліотекой и зимнимъ садомъ, составленнымъ изъ померанцевыхъ, лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ. Передъ столомъ на эластическомъ стулѣ съ высокой спинкою, закутанный въ атласный халатъ, сидитъ графъ Андрей Никитичъ Куродавлевъ; онъ очень занятъ. Передъ нимъ лежитъ большой листъ пергамента

и его сіятельство, вооруженный широким ножомъ изъ слоновой кости, растираетъ на этомъ листѣ французскій табакъ. Графу на взглядъ лѣтъ за сорокъ; онъ человѣкъ породный, высокаго роста, весьма пріятной наружности, съ полными красными щеками; въ глазахъ его замѣтна какая-то усталость и лѣнь: впрочемъ онъ весьма добросовѣстно занимается своимъ дѣломъ и подъ его костянымъ ножомъ каждая крупинка табаку получаетъ вполне свою окончательную отдѣлку.

Сквозь затворенныя двери слышенъ въ пріемной комнатѣ не шумный, но непрерывный говоръ, и отъ времени до времени раздаются шаги людей, которые весьма осторожно и тихо прохаживаются по комнатѣ).

Графъ (*переминая щепотъ табаку между пальцами*).

Все еще слишкомъ сыръ... Что это у меня за привычка такая! Всегда перемочу. (*Изъ пріемной комнаты входитъ офиціантъ*).

Офиціантъ. Ваше сіятельство! Надворный совѣтникъ Фитюлькинъ.

Графъ. А, знаю!... Надоѣлъ! Скажи, чтобъ извинилъ: я не могу сегодня принять—я занятъ!... Да кто тамъ еще?

Офиціантъ. Человѣкъ десять, ваше сіятельство. Орловскій помѣщикъ Дудкинъ...

Графъ. Деревенскій мой сосѣдъ? Зачѣмъ онъ таскается въ Москву? Ну, кто еще?

Офиціантъ. Статскій совѣтникъ Чернопольскій. — Отставной маіоръ Брыкаловъ—по вашему приказанію. Какой-то французъ съ бородкою, подрядчикъ Дергуновъ, итальянецъ съ картинами...

Графъ. Хорошо, хорошо! Проси подождать. (*Офиціантъ уходитъ. Графъ продолжаетъ еще нѣсколько минутъ растирать табакъ, потомъ, наклонясь надъ листомъ пергамента, нюхаетъ*). Кажется, табакъ хорошъ!... Крѣпокъ... сильный букетъ... Да, да!... Этотъ меланжъ очень душистъ и пріятенъ!... Петербургскій отъ Іансена не дуренъ, но этотъ лучше!... Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ у Депрѣ былъ такой хорошей табакъ!... (*Насыпаетъ въ табакерку и нюхаетъ*). Очень хорошъ!...

(*Изъ-за дверей библіотеки выглядываетъ хорошенькое личико, съ черными, бойкими глазами и розовыми щеками*).

А Груша! Что ты?... Войди!

(Девушка лѣтъ восемнадцати, въ бѣломъ платьѣ и голубомъ шелковомъ фартукѣ, входитъ въ кабинетъ и останавливается у дверей).

Ну, что, миленькая?

Груша. Графиня прислала васъ спросить, поѣдете-ли вы сегодня поутру со двора?

Графъ. Что-о?

Груша (громко). Ея сіятельство, графиня, спрашиваетъ васъ, поѣдете-ли вы сегодня поутру со двора?

Графъ. Не слышу, мой другъ. Подойди поближе?

Груша. Что это, ваше сіятельство, развѣ вы глухи?

Графъ. Видно, что такъ! Да подойди-же поближе, душенька!

Груша. Не нужно-съ!

Графъ. О, плутовка!

Груша. Да полноте, ваше сіятельство! Вы извольте сказать, поѣдете-ли вы или нѣтъ?

Графъ. Ну, ну! Не гвѣвайся! Скажи, что поѣду на Кузнецкій мостъ... Мнѣ надобно кое-что купить... Да стой, Груша! Хочешь-ли я куплю тебѣ сережки?

Груша. Покорнѣйше васъ благодарю!... Охъ, вы!...

Графъ (встаетъ). Послушай! (Груша уходитъ). Стой, стой!... Разбойница!... Настоящій чертенокъ!... А хороша!... Премиленькая рожица!... (Подходитъ къ попугаю). Попинька! Что ты, мой другъ?... Дай головку, попинька... дай головку!... Попинька! Да чтожь ты ничего не говоришь?... Кто пришелъ?

Попугай. Дуракъ!

Графъ. Фи, попинька, фи!... Говори: бонжуръ, Жако. Бонжуръ, Жако. (Попугай кричитъ своимъ натуральнымъ голосомъ). Шалишь!.. Что это!.. Кусаться?.. Вотъ я тебя!...

Офиціантъ (входя въ кабинетъ). Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ.

Графъ. Проси! (Садится на прежнее мѣсто. Ползковъ входитъ). А, здравствуй, Алексѣй Алексѣевичъ! Какъ поживаешь?

Ползковъ (кланяясь). Слава Богу, ваше сіятельство.

Графъ. Садись!

Ползковъ. Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство! Я не усталъ.

Графъ. Садись, братецъ! (Указываетъ ему на стулъ,

который стоит противъ двери библиотеки; Ползковъ садится). Ну, что подѣливаешь?

Ползковъ. Да такъ-съ! Все по прежнему. Служу, тружусь... (*Вставая*). Ваше сіятельство! Богъ даровалъ мнѣ сына.

Графъ. Честь имѣю поздравить!

Ползковъ. Пользуясь всегда благорасположеніемъ и благодѣтельствованный ласками вашего сіятельства, я осмѣлился просить дозволенія назвать моего сына Андреемъ, въ честь вашего сіятельства.

Графъ. Спасибо, Алексѣй Алексѣвичъ, спасибо!

Ползковъ. Это имя будетъ безпрестанно напоминать сыну моему о высококомъ покровителѣ и благодѣтелѣ нашего семейства. О, я увѣренъ, если когда-нибудь сынъ мой, отъ чего да сохранить его Боже, поколеблется на пути чести и добродѣтели, мнѣ только нужно будетъ сказать ему: «Андрюша! вспомни, чье ты носишь имя!»

Графъ. И, полно, Алексѣй Алексѣвичъ! Ты ужъ слишкомъ меня хвалишь.

Ползковъ. Я, ваше сіятельство?... Да я только-что отголосокъ общаго мнѣнія и почель-бы себя совершенно счастливымъ, если-бы мой сынъ походилъ хотя нѣсколько на васъ...

Графъ (*съ ироническимъ смѣхомъ*). На меня?... И ты этого желаешь?... Ха, ха, ха!.. Что ты это, братецъ Алексѣй Алексѣвичъ?... Помилуй!.. Да развѣ эти вещи говорятся?..

Ползковъ (*также смѣется*). А! Да!... Хе, хе, хе!.. Извините! Не такъ выразился, ваше сіятельство! Я говорю о сходствѣ относительно вашихъ душевныхъ качествъ. Разумѣется, сынъ мелкаго, незначущаго человѣка можетъ ли имѣть какое-нибудь другое сходство съ такимъ знаменитымъ вельможею, такимъ истиннымъ русскимъ бояриномъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, я желалъ-бы только, чтобъ онъ душою-то на васъ походилъ, чтобъ онъ былъ, точно такъ-же какъ вы, неутомимъ на поприщѣ службы, такъ же какъ вы, посвятилъ всю жизнь свою для общаго блага разумѣется, вы въ большомъ и огромномъ размѣрѣ, а онъ въ маленькомъ; но чтобы дѣйствія-то его были такъ-же чисты и такъ-же исполнены самоотверженія, какъ всѣ дѣйствія ваши... Вѣдь вы—извините, ваше сіятельство—несмотря на вашу знатность и богатство—вы труженикъ!..

Другой бы на вашемъ мѣстѣ бросилъ все, сталъ бы жить себѣ, а вы нѣтъ! У васъ одна только цѣль: быть полезнымъ отечеству.

Графъ. Однакожь, любезный Алексѣй Алексѣвичъ, и я ужь начинаю уставать; хочется отдохнуть, пожить за-границею...

Ползковъ. Конечно, ваше сіятельство, кто другой, а вы и въ службѣ и въ отставкѣ—все будете бариномъ. Вамъ же тихая и спокойная жизнь не надоѣсть; вѣдь вы отличный семьянинъ, примѣрный супругъ. (*Изъ-за дверей библиотеки выглядываетъ Груша. Ползковъ встаетъ*). Но я не хочу во зло употреблять вашего снисхожденія... Вы заняты...

Графъ. Куда торопишься?..

Ползковъ (*поглядывая на дверь библиотеки*). Мнѣ нужно еще побывать за Красными Воротами... Сейчасъ вспомнилъ. Крайняя нужда!... Честь имѣю кланяться вашему сіятельству!..

Графъ. Ну, прощай, любезный! Не забывай.

Ползковъ (*кланаясь*). Помилуйте-съ!... Какъ это можно!... (*Уходитъ*).

Груша (*изъ-за дверей кабинета*). Графиня проситъ васъ къ себѣ, ваше сіятельство.

(Обитая малиновымъ штофомъ гостиная княгини Авдоты Кирилловны Перекопской; старинная раззолоченная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ. Въ простѣнкахъ узенькія составныя трюмо. На подстольникахъ японскія вазы съ цвѣтами. Люстра съ хрустальными подвѣсками. Дорогой паркетъ изъ разноцвѣтнаго дерева. Въ одномъ углу на пьедесталѣ мраморный бюстъ Екатерины Второй. Передъ канале или софою—большой наклеинной столъ съ изображеніемъ вида царскосельскаго дворца; съ одной стороны дивана на низенькой скамеечкѣ приютилась съ чулкомъ въ рукахъ фаворитка княгини, Мимша, хорошенькая собою дѣвочка лѣтъ десяти; съ другой, на вышитой по канвѣ подушкѣ, лежитъ полвопѣгая англійская собачка въ красномъ сафьянномъ ошейникѣ. На диванѣ, въ бѣломъ кисейномъ капотѣ и кружевномъ чепцѣ, сидитъ весьма еще бодрая и благообразная старушка лѣтъ шестидесяти пяти. На бѣломъ и румяномъ лицѣ ея замѣтны слѣды прежней красоты. Рядомъ съ ней, также на канале, но только немного бокомъ, сидитъ молодая женщнна, одѣтая по послѣдней модѣ: эта дама—правнучатная племянница княгини. Подлѣ окна, за маленькимъ столикомъ, занимается рукодѣльемъ

Ольга Николаевна, воспитанница ея сiятельства—дѣвица лѣтъ тридцати. У дверей стоитъ карликъ, въ гродетуровомъ голубомъ французскомъ кафтанѣ и розовомъ атласномъ камзолѣ).

Княгиня (*продолжая разговаривать съ молодою дамою*). Да, мой другъ! Мнѣ очень грустно, что ты разошлась съ мужемъ; въ нашъ вѣкъ это не дѣлалось такъ легко.

Молодая дама. Да вы не можете себѣ представить, ma tante, что я должна была терпѣть! Если-бы вы только знали. то вѣрно бы пожалѣли обо мнѣ: вы такъ ко мнѣ милостивы! (*Цѣлуетъ ее въ плечо*).

Княгиня. О, конечно, ma chère, я очень тебя люблю. (*Молодая дама цѣлуетъ у нея руку*). Но неужели въ самомъ дѣлѣ твой мужъ такой дурной человѣкъ?...

Молодая дама. Чудовище, ma tante! Совершенное чудовище!

Княгиня. Право, это для меня удивительно! Я знала его мать—прекрасная была женщина! Мы были съ нею обѣ фрейлинами. И съ мужемъ ея была знакома; на всѣхъ придворныхъ балахъ и куртагахъ онъ всегда былъ моимъ кавалеромъ. Прелюбезный человѣкъ! А какой тонъ! Какая манера! Его многіе принимали за эмигранта! Право, за эмигранта!... Неужели сынъ до такой степени на нихъ не похожъ?... Онъ мнѣ казался всегда такимъ порядочнымъ...

Молодая дама. Одна наружность, ma tante!... Человѣкъ самый безнравственный!... *faisant la cour à tout le monde*...

Княгиня. Право?...

Молодая дама. Повѣрите-ли, ma tante, я иногда съ нимъ по нѣскольку дней сряду не видалась...

Княгиня. А, вотъ что! Ты ревнива.

Молодая дама. Кто? Я, ma tante? Помилуйте! Напротивъ, онъ ревнивъ, какъ Отелло.

Княгиня. Это ужъ что-то слишкомъ странно, мой другъ. Ревнивъ, а оставлялъ тебя одну. Добро-бы онъ держалъ тебя взаперти...

Молодая дама. Взаперти! Нѣтъ, ma tante, ужъ этого-бы я ему не позволила! Довольно и того, что я, по милости его, не была до сихъ поръ за-границею.

Княгиня. Ну, это еще не большая бѣда, мой другъ.

Молодая дама. Помилуйте! Да мнѣ два раза предписывали карлсбадскія воды.

Княгиня. Отчего?

Молодая дама. Нервы, ма tante, нервы!... Мнѣ кажется, здоровье жены должно же что-нибудь значить для мужа... Я просилась даже въ Ревель, а онъ и туда меня не пустилъ!... Тиранъ!...

Княгиня. И онъ просто, безъ всякой причины, не хотѣлъ тебѣ этого позволить?

Молодая дама. Все пустыя отговорки—глупости! То денегъ нѣтъ, то долженъ на все лѣто ѣхать въ деревню.

Княгиня (*качая головою*). Охъ, мой другъ! Ужъ полно, такъ-ли онъ виноватъ, какъ ты говоришь? Мнѣ что-то кажется, что и ты не вовсе права.

Молодая дама. Я, ма tante? Да я на всѣхъ пошлюсь... Я просто была несчастная жертва. Если-бъ вы знали, какія онъ дѣлалъ сцены, неприятности... Да и теперь еще дѣлаетъ. Представьте себѣ, мы разошлись, а онъ не хочетъ ничего давать на мое содержаніе.

Княгиня. Да вѣдь у тебя, кажется, есть свое состояніе.

Молодая дама. Такъ, ма tante; но онъ, какъ мужъ, обязанъ... Ахъ, если-бъ вы за меня вступились. (*Цѣлуетъ у княгини руки*). Вамъ стоитъ только написать въ Петербургъ.

Княгиня. Я думаю, ма сѣге, всего лучше если-бъ вы помирились...

Молодая дама. О, ни за что на свѣтѣ!... Да онъ совершенный злодѣй. Онъ ненавидитъ всѣхъ родныхъ моихъ.

Княгиня. Неужели?

Молодая дама. Дядюшку Степана Степановича пересталъ принимать; бабушку Маргариту Дмитріевну называетъ сплетницей; кузину Глашенку—кокеткой; Леону—моему двоюродному брату—этому доброму, милому ребенку, отказалъ отъ дому, и даже васъ, тетушка...

Княгиня (*съ удивленіемъ*). Меня? Что меня?

Молодая дама. Охъ, ма tante! Мнѣ не хотѣлось бы вамъ говорить...

Княгиня (*съ жаромъ*). Нѣтъ, скажи, ма сѣге. Я хочу знать...

Молодая дама. Ну, если вамъ угодно... (*Посмотря кругомъ и вполголоса*). Но мы здѣсь не однѣ, ма tante.

Княгиня. Ты меня пугаешь, мой друг!... Такъ это что-нибудь важное?... Оленька! Который часъ?

Ольга Николаевна. Половина перваго, ваше сіятельство.

Княгиня. Такъ время завтракать. Поди, душенька, похлопочи! (*Ольга Николаевна уходитъ*). Мимиша, тебѣ пора учить урокъ; а ты, Кондратьичъ, ступай въ переднюю. (*Дѣвочка и карликъ уходятъ*). Ну, вотъ, теперъ мы однѣ. Скажи, что говорить обо мнѣ твой мужъ?...

Молодая дама. Ахъ, тетушка! Мнѣ, право, тяжело повторять его низкія и скверныя клеветы... Во-первыхъ, онъ иначе васъ не называетъ, какъ вдовушкой-Минервой, фрейлиной Екатерины Первой...

Княгиня. Фи! Какъ это глупо!... Да это изъ какой-то русской комедіи.

Молодая дама. Говорить, что вы блѣтите и румянитесь...

Княгиня. Кто, я?... Скажите, какой клеветникъ!

Молодая дама. Да то-ли еще онъ говоритъ, ma tante.

Княгиня. Ахъ, батюшки!... Ужъ не говоритъ-ли онъ, что я людей рѣжу?

Молодая дама. О, нѣтъ, совсѣмъ не то!... Онъ увѣряетъ всѣхъ, что будто-бы вы любите вашу воспитанницу Ольгу Николаевну потому... Ахъ, ma tante!... Я, право, не знаю, какъ вамъ это и сказать... Ну, потому, что у васъ одно съ нею лицо.

Княгиня (*съ ужасомъ*). Что, что...

Молодая дама. А вашу фаворитку Мимишу любите за то, что она, двѣ капли воды, походитъ на Ольгу Николаевну.

Княгиня. Dieu quelle horreur!

Молодая дама. Да это еще ничего. Онъ говоритъ, что и прежнія ваши воспитанницы, которыхъ вы выдавали замужъ...

Княгиня. Молчи, мой другъ, молчи!... Ахъ, онъ чудовище!

Молодая дама. Извергъ, ma tante, извергъ! И вы хотите, чтобъ я помирилась съ этимъ человѣкомъ!

Княгиня. Нѣтъ, мой другъ! Нѣтъ! Тецерь ничего не хочу. . Ахъ, Боже мой! И какъ могло прійти въ голову... Ну!!! Признаюсь, этого я не ожидала!...

Молодая дама. Ну, вот видите, ма tante, какъ мнѣ нужна ваша помощь.

Княгиня. Вижу, мой другъ, вижу! Этотъ злодѣй способенъ на все.

Молодая дама (*цѣлуя у княгини руку*). Такъ вы похлопочите, чтобъ его заставили дать мнѣ приличное содержаніе?... Онъ такъ скупъ, ма tante, что это будетъ для него ужаснѣйшимъ наказаніемъ...

Княгиня. Ты думаешь?

Молодая дама. Увѣрю васъ!

Княгиня. Ну, если такъ, хорошо, мой другъ, хорошо! Тебѣ должно будетъ подать просьбу, а я ужъ напишу куда слѣдуетъ... Я докажу этому гнусному клеветнику, что фрейлина Екатерины Первой имѣетъ еще кое-какія связи!... Ахъ, какой злодѣй!... Подумать не могу.

Слуга (*входя въ гостиную*). Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ, ваше сіятельство.

Княгиня. Скажи, что я нездорова, не принимаю!... Иль нѣтъ, стой, стой!... Ты знаешь, ма сѣге, Ползкова?

Молодая дама. Знаю, ма tante: онъ человѣкъ очень не глупый.

Княгиня. И большой дѣлецъ. Чего-же лучше? Онъ напишетъ тебѣ просьбу. (*Слугѣ*). Проси сюда. Этотъ Ползковъ, ма сѣге, мнѣ очень преданъ. Мой князь Алексѣй Петровичъ въ послѣдній годъ своей жизни, то есть тридцать три года тому назадъ, доставилъ его отцу офицерскій чинъ и вывелъ въ люди все ихъ семейство. (*Ползковъ входитъ*). А! Здравствуйте, Алексѣй Алексѣвичъ!

Ползковъ (*кланяясь*). Ваше сіятельство!... (*Молодой дамѣ*). Честь имѣю кланяться вашему превосходительству.

Молодая дама (*слегка кивая головой*). Здравствуйте-съ!

Княгиня. Садитесь, Алексѣй Алексѣвичъ! Прошу покорно!... Вы очень кстати меня навѣстили. У племянницы есть до васъ просьба.

Ползковъ. Я почту себя очень счастливымъ... Позвольте узнать...

Молодая дама. Мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться!... Да вотъ, всего лучше: пожалуйста ко мнѣ завтра часу въ первомъ, такъ мы объ этомъ поговоримъ.

Ползковъ. Съ моимъ удовольствіемъ!... Мнѣ очень пріятно, что я...

Княгиня. Ну, что ваша Софья... Извините!.. кажется... Софья Алексѣевна?..

Ползковъ. Точно такъ-съ.

Княгиня. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Софья Александровна!..

Ползковъ. Помилуйте!—Все-равно-съ.

Княгиня. Ну, что, здорова-ли она?

Ползковъ. Богъ дароваль мнѣ сына, ваше сіятельство.

Княгиня. Очень рада, Алексѣй Алексѣевичъ! Очень рада.

Ползковъ (*вставая*). Ваше сіятельство! Все семейство наше, а въ особенности я, такъ давно пользуется вашими милостями и высокимъ покровительствомъ, что я былъ-бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если-бы не искалъ случая, хотя чѣмъ-нибудь доказать вамъ мою безпредѣльную преданность. Позвольте-же, ваше сіятельство, въ ознаменованіе душевной моей преданности, назвать моего новорожденнаго Андреемъ, въ честь его сіятельства князя Андрея Алексѣевича.

Княгиня. Въ честь моего сына?... Очень вамъ благодарна, Алексѣй Алексѣевичъ! Я напишу ему объ этомъ.

Ползковъ. Въ такомъ случаѣ потрудитесь, ваше сіятельство, прибавить, что я почель-бы себя истинно счастливымъ, если-бы его сіятельство принялъ благосклонно эту скудную лепту моей, хотя безплодной, но искренней благодарности за всѣ милости, изливаемые на меня вашимъ знаменитымъ домомъ.

Княгиня. И, полноте, Алексѣй Алексѣевичъ! Да что-жъ мы такое для васъ сдѣлали? Мы любимъ васъ, какъ чловѣка, намъ преданнаго.

Ползковъ (*прижимая руки къ груди*). О, совершенно преданнаго!... Да позвольте спросить: я не вижу Ольги Николаевны: ужь здорова-ли она?

Княгиня. Слава Богу.

Ползковъ. А ваша прелесть — Минодора Назарьевна.

Княгиня. Мимиша?... Также здорова.

Ползковъ. Голубушка моя!... Вѣрите-ли Богу, ваше сіятельство,—не видываль такихъ дѣтей!... Что это мнѣ кажется, ваша Леди какъ-будто-бы потолстѣла... Леди, Леди! (*англійская собачка подбѣгаетъ къ Ползкову, виляетъ хвостомъ и начинаетъ къ нему ласкаться. Ползковъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана кусочекъ сахару и даетъ ей*).

А! догадалась! Знаешь, плутовка, что у меня всегда для тебя гостинецъ есть!.. Что это, какая красавица! — Удивительно!..

Слуга (*входя въ гостиную*). Завтракъ готовъ, ваше сіятельство.

Княгиня. Не хотите-ли съ нами позавтракать, Алексѣй Алексѣвичъ.

Ползковъ. Покорнѣйше васъ благодарю! Мнѣ еще надобно далеко ѣхать.

Молодая дама. Не забудьте, завтра, въ первомъ часу.

Ползковъ. Какъ забыть, помилуйте! (*Раскланиваясь*). Ваше сіятельство!.. Ваше превосходительство!.. (*Уходитъ*).

(Большая комната. Стѣны, выкрашенныя голубою краскою, окаймлены гирляндой пунцовыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. На потолкѣ нарисованы по угламъ въ свѣтло-голубыхъ кружкахъ розовые купидоны; надъ стекляннымъ фонаремъ, замѣняющимъ люстру, въ большомъ кругу, среди фіолетовыхъ облаковъ, изображено что-то похожее на колесницу, въ которой сидитъ что-то похожее на человѣка и правитъ двумя дельфинами. Въ одномъ изъ угловъ кивотъ изъ краснаго дерева съ иконами въ богатыхъ окладахъ; передъ ними висятъ три стеклянныя, разноцвѣтныя лампы. Въ простѣнкахъ маленькія зеркала въ огромныхъ рамахъ, покрытыхъ рѣзбою. Всѣ окна съ бѣлыми миткалевыми занавѣсками. Мебель карельской березы, обитая перстрымъ ситцемъ съ большими разводами. Поставецъ съ серебряномъ и фарфоромъ. По боковымъ стѣнамъ висятъ литографированные портреты графа Платова, Кульнева и другихъ русскихъ генераловъ. На средней стѣнѣ, съ одной стороны эстампъ, изображающій вошествіе въ Паризъ союзныхъ войскъ, съ другой — взятіе Варны, а посреди въ разолоченныхъ рамахъ написанный масляными красками портретъ хозяина дома, Андрея Трпфионовича Цибикова. Оригиналъ этого портрета, дородный купецъ лѣтъ пятидесяти, съ полнымъ краснощекимымъ лицомъ и красивой окладистой бородой, сидитъ на диванѣ; передъ нимъ на кругломъ столѣ лежитъ раскрытая шнуровая книга, стоятъ большіе счеты, графинъ горечи и тарелка съ хлѣбомъ и паюсной икрой. По лѣвой его сторонѣ, опираясь на спинку кресель, стоитъ его приказчикъ, дѣтина лѣтъ тридцати, въ полугерпейскомъ нарядѣ, то-есть въ галстукѣ, жилеткѣ и купеческомъ долгополомъ кафтанѣ).

Андрей Трифоновичъ (*выкладывая на счетахъ*). Четыреста семьдесятъ семь рублей ассигнаціями — нѣтъ, Лукьянычъ—что-нибудь, да не такъ!

Приказчикъ. Я два раза, Андрей Трифоновичъ, прикидывалъ на счетахъ: аккуратъ четыреста семьдесятъ семь рублей.

Андрей Трифоновичъ. А вотъ посмотримъ!... Сорокъ цѣлковыхъ: — сто сорокъ рублей... Двѣнадцать золотыхъ по восемнадцати рублей по двѣ копѣйки съ денежкой... двѣсти шестнадцать рублей тридцать копѣекъ... семь лабанчиковъ по семнадцати рублей двадцати пяти копѣекъ каждый... Сто двадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ. Итого: четыреста семьдесятъ семь рублей пять копѣекъ... Ну, что, Лукьянычъ?

Приказчикъ. Ахъ, батюшки!... Какъ эти пять копѣекъ у меня ускользнули?.. Оно, конечно, сумма не важная...

Андрей Трифоновичъ. Не важная!... Экъ ты, Лукьянычъ, какъ поговариваешь. Видишь капиталистъ какой!... Да вѣдь, двадцать - то пятаковъ рубль, — а рублями миллионы считаютъ! Вотъ то - то и есть: всѣ вы франтики, купеческіе сынки, умѣете только чужую копѣйку проживать, а приберечь свою родную, да присовокупить, да гривной рубль зашибить — такъ нѣтъ! Что, дескать, это за коммерція! Мы хотимъ тысячами ворочать! Нѣтъ, братъ, поучись - ка прежде на грошахъ, а тамъ что Богъ дастъ! Для вашего брата - щеголька, пять копѣекъ что?... Тьфу! А покойный мой батюшка—царство ему небесное—отъ пятака жить пошелъ. Былъ онъ простымъ подносчикомъ и терпѣлъ такую крайнюю нужду, что подчасъ сапоговъ не на что было купить. Вотъ, завелся у него лишній пятакъ—онъ булабочекъ купилъ; продалъ ихъ по разницѣ хозяйскимъ дочкамъ за гривенку. Купилъ иголочекъ и тѣ съ рукъ сошли съ барышомъ. Вотъ этакъ по маленьку, то тѣмъ, то другимъ, наколотилъ онъ рублишковъ пятокъ, да купилъ сережекъ, перстеньковъ, запонокъ; выпросился у хозяина въ побывку къ себѣ на село и вернулся назадъ ужъ съ красною бумагою. Прошло еще годика два, батюшка началъ пораспространять свою коммерцію: сталъ торговать на Смоленскомъ рынкѣ желѣзной посудой, замками, гвоздями—всякимъ старьемъ. Съ Смоленскаго рынка перешелъ въ желѣзный рядъ на Не-

глинную. А тамъ посчастливилось ему взять казенную поставку на кровельное желѣзо. Вотъ, батюшка поперился; на ту пору досталась по наслѣдству одному купеческому сынку мѣняльная лавка на Моховой. Купчикъ-то былъ парень мотоватый; батюшка подвернулся какъ-то кстати, да и купилъ оптомъ всю лавку за поль-цѣны; а тамъ года черезъ три лавка-то стала магазиномъ. Богъ послалъ покойнику двухъ, трехъ господъ, которые собирали рѣдкости, покупали картины, любили мѣняться. Вотъ онъ и пошелъ въ гору; продасть вещь за тысячу рублей, придетъ опять къ нему въ трехстахъ; а тамъ, глядишь, набѣжитъ охотникъ да купить ее-же опять за тысячу. Я помню, этакъ у него одна золотая табакерка оборотовъ десять сдѣлала, да принесла ему тысячъ до пяти чистаго барыша. Вотъ, любезный, такими-то судьбами и вышло, что какъ батюшка скончался, такъ мнѣ досталось восемьсотъ тысячъ рублей чистоганомъ, да вещей на столько-же. А вѣдь все пятакъ!

Приказчикъ. Конечно такъ, Андрей Трифоновичъ! Да вѣдь на все счастье надобно.

Андрей Трифоновичъ. Дураку и счастье не помага, Лукьянычъ! Глупый человѣкъ словно карманъ съ дырою: что въ него не клади, все вываливается. (*Женскій голосъ за дверьми*). Дома, сударь! Пожалуйте въ гостиную. (*Входитъ молодой человекъ весьма щеголевато одѣтый. Андрей Трифоновичъ встаетъ*).

Молодой человѣкъ (*въжливо кланясь*). Я имѣю честь говорить съ Андреемъ Трифоновичемъ?

Андрей Трифоновичъ. Точно такъ, батюшка!... Прошу покорно садиться! Лукьянычъ, поди покажѣсть въ контору: если понадобится, такъ я тебя крикну.

Молодой человѣкъ (*подавая Андрею Трифоновичу письмо*). Отъ Степана Ѳомича Скоробогатаго.

Андрей Трифоновичъ. А, отъ почтеннѣйшаго моего куманька? Позвольте-съ, позвольте-съ!

Молодой человѣкъ. Сдѣлайте милость!

Андрей Трифоновичъ (*читая письмо и поглядывая на молодого человека*). Гмъ!... Вотъ что!... Да-съ!... Осмѣлюсь спросить, вы коротко знакомы съ Степаномъ Ѳомичемъ?

Молодой человѣкъ. Мой покойный батюшка былъ его искреннимъ пріятелемъ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!... А батюшка вашъ давно скончался?

Молодой человѣкъ. Года три будетъ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!... Ну, конечно, въ три года много воды утечетъ!... Кумъ пишетъ ко мнѣ, что вы имѣете надобность въ деньгахъ.

Молодой человѣкъ. Да-съ! Мнѣ нужно на короткое время перехватить, такъ, бездѣлку!

Андрей Трифоновичъ. Нѣтъ, батюшка, семь тысячъ рублей сумма значительная.

Молодой человѣкъ. Помилуйте, Андрей Трифоновичъ! Что для васъ семь тысячъ рублей ассигнаціями?

Андрей Трифоновичъ. Да, то же, батюшка, что и для всякаго; двѣ тысячи цѣлковыхъ. У васъ есть какое-нибудь обезпеченіе?

Молодой человѣкъ. У меня тысяча душъ, но онѣ всѣ заложены въ опекуномъ совѣтѣ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ.

Молодой человѣкъ. Впрочемъ, не безпокойтесь; заемное письмо написано на полгода; но, можетъ быть, я черезъ четыре мѣсяца съ вами расплачусь. У меня торгуютъ триста душъ.

Андрей Трифоновичъ. Вотъ, изволите видѣть, батюшка: я вѣдь этимъ не занимаюсь... Другіе берутъ большіе проценты, а я по десяти. Я даю только такъ, ради пріязни... И, признаюсь, если-бы не просилъ меня объ этомъ Степанъ Ѳомичъ, такъ не прогнѣвайтесь: я не могъ-бы васъ ссудить... заемное письмо съ вами?...

Молодой человѣкъ (*подавая бумагу Андрею Трифоновичу*). Вотъ оно.

Андрей Трифоновичъ (*читая*). Я нижеподписавшійся... двѣ тысячи рублей государственною серебряною монетою... срокомъ на шесть мѣсяцевъ... Такъ-съ! Ну, дѣлать нечего! Степанъ Ѳомичъ такъ усердно о васъ проситъ... Извольте, сударь, извольте!... Только ужъ сдѣлайте милость въ срокъ...

Молодой человѣкъ. Будьте покойны!

Андрей Трифоновичъ (*вынимая изъ бумажника нѣсколько пачекъ ассигнацій и подавая молодому человѣку*). Вотъ шесть тысячъ рублей. Остальные, за вычетомъ процентовъ, шестьсотъ шестьдесятъ пять сейчасъ вамъ додамъ. Потрудитесь перечестъ!

Молодой человекъ (*положивъ деньги въ карманъ*). Помилуйте! Зачѣмъ?

Андрей Трифоновичъ (*съ удивленіемъ*). Какъ зачѣмъ?

Молодой человекъ. Я и такъ вамъ вѣрю.

Андрей Трифоновичъ. Вотъ что?... (*Смотритъ въ бумажникъ*). Позвольте, позвольте!... да вѣдь я ошибся!... я вамъ не то отдалъ... Пожалуйте-ка назадъ деньги!...

Молодой человекъ. Извольте! (*Андрей Трифоновичъ беретъ назадъ деньги и молча подаетъ молодому человеку заемное письмо*). Что это значить?

Андрей Трифоновичъ. А то, сударь, что я никогда не даю денегъ взаймы тѣмъ, которые принимаютъ ихъ безъ счету.

Молодой человекъ (*вставая*). Позвольте вамъ сказать....

Андрей Трифоновичъ. Да что тутъ говорить! У всякаго свой обычай, батюшка: не прогнѣвайтесь.

Молодой человекъ. Такъ по этому вы сомнѣваетесь?...

Андрей Трифоновичъ. Шестъ тысячъ—деньги, батюшка! И кто беретъ ихъ съ тѣмъ, чтобы отдать, такъ ужъ вѣрно перечесть. Вѣдь только даровому коню въ зубы-то не смотрятъ.

Молодой человекъ. Такъ вы думаете, что я..

Андрей Трифоновичъ. Я ничаго не думаю! Деньги мои, заемное письмо ваше, такъ каждый при своемъ...

Молодой человекъ (*встыльчиво*). А позвольте васъ спросить: какъ вы смѣете....

Андрей Трифоновичъ. И, батюшка, не горячитесь! Я у себя въ дому, а вотъ, напротивъ, живетъ частный приставъ. Ну, что хорошаго!... Счастливо оставаться! Кланяйтесь Степану Ѳомичу!...

Молодой человекъ. Да! Я поблагодарю его!... Заставить меня прѣхать Богъ знаетъ къ кому!... (*Уходя*). Купчишка этакій.

Андрей Трифоновичъ. Добро, добро, дворянчикъ! Знаемъ мы васъ!... Тысяча душъ, а перекусить нечего!... Ну, хорошо, что я спохватился! И какъ не стыдно куму рекомендовать мнѣ такихъ людей!... Шестъ тысячъ рублей безъ счету беретъ!... Хорошъ гусь!... (*Входитъ Ползковъ*). А! батюшка Алексѣй Алексѣвичъ!

Ползковъ. Здравствуйте, мой почтеннѣйшій! (*Цѣлуются*).

Андрей Трифоновичъ. Милости прошамъ! Вотъ здѣсь на канapé: тутъ вамъ будетъ покойнѣе!

Ползковъ (*садясь*). Ну, что, мой любезнѣйшій Андрей Трифоновичъ, что подѣлываете, какъ вамъ можется?...

Андрей Трифоновичъ. Благодарю моего Создателя; и дѣлишки идутъ порядкомъ и здоровье бредеть. А васъ, кажется, о здоровьѣ и спрашивать нечего...

Ползковъ. Эхъ, Андрей Трифоновичъ! Что наше здоровье? Какъ цвѣтъ сельный, сегодня цвѣтеть, а завтра...

Андрей Трифоновичъ. И, что вы, Алексѣй Алексѣвичъ: вы еще человекъ молодой. А что супруга ваша?...

Ползковъ. Сынка мнѣ родила

Андрей Трифоновичъ. Право? Ну, слава Богу! . Честь имѣю поздравить!

Ползковъ. Да что, Андрей Трифоновичъ, все не такъ вышло, какъ мнѣ хотѣлось; младенецъ родился такимъ слабымъ, что должно было сейчасъ его окрестить, а мы было съ женою хотѣли просить васъ быть воспріемникомъ нашего перваго сына.

Андрей Трифоновичъ. Ахъ, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ, да чѣмъ я могъ заслужить такую честь...

Ползковъ. Чѣмъ?... Андрей Трифоновичъ! Да вѣдь это смиреніе паче гордости... Что вы это?

Андрей Трифоновичъ. Истинно такъ, Алексѣй Алексѣвичъ!... Ну, что я за важное лицо такое? Мало ли у васъ есть пріятелей и чиновныхъ, и знатныхъ, и князей, и графовъ...

Ползковъ. И, почтеннѣйшій! А много-ли на Руси такихъ именитыхъ гражданъ, какъ вы? Кто не знаетъ въ Москвѣ Андрея Трифоновича Цибикова?

Андрей Трифоновичъ (*поглаживая бороду*). Что правда, то правда!... Касательно извѣстности, я пожаловаться не могу. Меня, батюшка, и въ Кяхтѣ знаютъ.

Ползковъ. Вотъ, изволите видѣть!... А на Нижегородской ярмаркѣ я самъ слышалъ своими ушами: «Ну, плохо торговля идетъ! Да чему и быть? Поджидаютъ всѣ Андрея Трифоновича Цибикова: подѣдетъ, такъ все закипитъ».

Андрей Трифоновичъ (улыбаясь). Это ужь, батюшка, напрасно говорятъ... Конечно, и мы отъ другихъ не отстаемъ...

Ползковъ (шутя). А что, почтеннѣйшій: еслибъ, этакъ, подь васъ огоньку подложить, вѣдь милліончикахъ въ десяти покаетесь.

Андрей Трифоновичъ. Ужь и въ десяти! Что это вы, Алексѣй Алексѣевичъ!

Ползковъ. Да кредиту на столько-же. Ну-ка теперь, сударь, скажите мнѣ: не важень-ли тотъ, который ворочаетъ милліонами, да даетъ ходъ торговлѣ и русской промышленности? Нѣтъ, Андрей Трифоновичъ, вы, въ моихъ глазахъ, уважительнѣе всякаго знатнаго барина и я, конечно-бы, за счастье почель съ вами покумиться... Ну, да видно Богу такъ угодно!... По крайней мѣрѣ я все-таки въ честь вашу назвалъ моего новорожденного Андреемъ.

Андрей Трифоновичъ (обнимая Ползкова). Почтунѣе васъ благодарю!... Да чтожъ мы въ самомъ дѣлѣ... Позвольте, батюшка Алексѣй Алексѣевичъ, выпить за здоровье новорожденного (подходитъ къ дверямъ и кричитъ). Эй, Маланья! Бутылку полыннаго!

Ползковъ. Не пью, почтеннѣйшій! Да мнѣ-же и пора домой. Я только за тѣмъ къ вамъ и заѣхалъ, чтобъ сказать, что Богъ даровалъ мнѣ сына и что я, въ честь вашу, назвалъ его Андреемъ.

Андрей Трифоновичъ. Да выкушайте хоть рюмочку!

Ползковъ. Право, не пью.

Андрей Трифоновичъ. Ну, какъ вамъ угодно! Я не держусь нашего купеческаго обычая: не люблю моихъ гостей неволить. (Изъ боковыхъ дверей входитъ Анясья Максимовна, сожительница Андрея Трифоновича, толстая женщина лѣтъ сорока пяти, въ ситцевомъ затасканомъ капотѣ; на ногахъ у нея надѣты красныя туфельки, на плечи наброшенъ заштопанный платокъ буръ-де соа; голова ея ничѣмъ не покрыта и растрепанныя волосы торчатъ во всѣ стороны).

Анясья Максимовна (не видя Ползкова). Батюшка Андрей Трифоновичъ! Забыла тебя спросить, какъ прикажешь подать поросенка: жаренаго или подь хрѣномъ.

Андрей Трифоновичъ. Подъ хрѣномъ, матушка, подъ хрѣномъ! Да что ты, Акинья Максимовна, ослѣпла что-ли? Взгляни!... *(Анисья Максимовна, увидѣвъ Ползкова, вскрикиваетъ и хватается обѣими руками за голову).*

Ползковъ. Здравствуйте, матушка Анисья Максимовна!

Анисья Максимовна. Ахъ, батюшка Алексѣй Алексѣвичъ!... Не знала я совсѣмъ!... А я просто по домашнему, такой растрепаной!...

Ползковъ *(подходя къ ней)*. Позвольте ручку поцѣловать.

Анисья Максимовна *(махая руками)*. Нѣтъ, извините, извините!... Мнѣ, право, стыдно! Ахъ, срамъ какой!... *(Уходитъ)*.

Ползковъ. Ну, прощайте, мой любезнѣйшій, мой почтеннѣйшій Андрей Трифоновичъ!...

Андрей Трифоновичъ. Прощайте, Алексѣй Алексѣвичъ! Дай Богъ вамъ добраго здоровья! И если вамъ когда-нибудь Андрей Цыбиковъ на что ни есть понадобится, такъ вотъ вамъ моя рука!...

Ползковъ *(съ чувствомъ)*. Дружбы, дружбы вашей, вотъ чего я желаю. Все прочее — дѣло постороннее; но дружба такого человѣка какъ вы, о, это такая драгоценность, которую я ставлю выше всего на свѣтѣ!

Андрей Трифоновичъ *(обнимая Ползкова)*. Ахъ, мой безцѣнный Алексѣй Алексѣвичъ. Да чѣмъ я заслужилъ!...

Ползковъ. Ну, что объ этомъ говорить!... Прощайте! Дай Богъ вамъ всякаго благополучія. До свиданія, почтеннѣйшій! *(Уходитъ)*.

(Прежняя комната въ домъ Ползкова. Алексѣй Алексѣвичъ входитъ постыжно, за нимъ идетъ слуга).

Алексѣй Алексѣвичъ. Ну, что жена?

Слуга. Слава Богу-съ.

Алексѣй Алексѣвичъ. А младенецъ?

Слуга. Говорять-съ, очень трудень.

Алексѣй Алексѣвичъ. Который часъ?

Слуга. Второй въ началѣ.

Алексѣй Алексѣвичъ. Такъ можно еще успѣть... Будь готовъ идти на почту... Или нѣтъ. Найми извозчика.

Ступай!... (*Садится за столъ и пишетъ*), Ну, вотъ и кончили! Кажется, не дурно?.. (*Читаетъ*). «Ваша свѣтлость! Богъ даровалъ мнѣ сына. Я осмѣлился назвать его въ честь вашей свѣтлости Андреемъ. Это имя, принадлежащее знаменитому вельможѣ и мудрому сановнику, на котораго обращены взоры всей Россіи, да послужить ему путеводительной звѣздой на поприщѣ жизни. Пусть это имя напоминаетъ ему безпрестанно имя того, кто не столько по рожденію, сколько по своимъ личнымъ доблестямъ, сталъ на ряду первыхъ государственныхъ мужей нашего времени.»

«Съ чувствомъ наиглубочайшаго почтенія и совершенной преданности за счастье почитаю называться вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою...» Теперь скорѣй въ пакетъ, да и на почту... (*Кладетъ письмо въ пакетъ и надписываетъ*). Его свѣтлости князю Андрею Сергѣевичу Знатову. Эй, Ванька! (*Съ одной стороны входитъ слуга, съ другой бабушка*)... Ступай проворнѣй... А, Марья Григорьевна, что вы?

Бабушка. Да что, Алексѣй Алексѣвичъ! Дѣлать нечего... Воля Божья!..

Алексѣй Алексѣвичъ. А что такое?

Бабушка. Младенецъ скончался.

Алексѣй Алексѣвичъ. Что вы говорите?... Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!... (*Закрываетъ руками лицо*). Андрюша, другъ мой!..

Бабушка. И, Алексѣй Алексѣвичъ! Слава Богу, что онъ скончался теперь... Ангель Божій. Да и вамъ некогда было къ нему привыкнуть...

Алексѣй Алексѣвичъ. Эхъ, Марья Григорьевна! Вы человекъ посторонній! А каково сердцу родителя.

Бабушка. Да полноте, Алексѣй Алексѣвичъ! Подите-ка лучше къ Софѣ Александровнѣ, да постарайтесь ее утѣшить: она очень огорчена.

Алексѣй Алексѣвичъ. Утѣшить!... А кто утѣшить меня?... Боже мой, Боже мой! Вотъ жизнь человѣческая!... (*Проходя мимо слуги*). Возьми это письмо, ступай сейчасъ на почту. Да, смотри, не опоздай. Пойдемте, Марья Григорьевна, пойдемте!